

МРНТИ: 03.20.00

Исламский дискурс в государственной-конфессиональной политике советской власти в Казахстане в 1920-1930-е гг.

Галия А. Алпыспаева^{а*}
Гульмира Жуман^б

^{а*} ^б Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина Нур-Султан, Казахстан

*Автор для корреспонденции

E-mail:

galpyspaeva@mail.ru

^а<https://orcid.org/0000-0002-0672-8292>

^б<https://orcid.org/0000-0002-9009-6995>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-138-1-7-24

Аннотация. В статье рассматриваются социально-политические аспекты советской государственной политики в отношении мусульман Казахстана в 20-30-е годы XX века. Источниковедческая база исследования представлена документальными материалами из фондов архивов Республики Казахстан, охватывающих все регионы Казахстана. На основе анализа архивных источников показана трансформация государственно-мусульманских отношений по мере укрепления советской власти: от толерантного отношения к исламу в первые годы победы большевиков до полной секуляризации прав и свобод мусульман в последующие десятилетия. Дается характеристика форм и методов антирелигиозной борьбы советского государства, обосновывается тезис о ее пагубном влиянии на духовную жизнь мусульман, которая в условиях жесточайшего административного давления и ограничения приняла форму полулегального существования. Политика советского государства в отношении ислама выстраивалась с учетом политической ситуации в стране. Лояльность в первые годы советской власти в определенной мере способствовала временному оживлению религиозного движения. Она была обусловлена желанием последней получить политическую поддержку со стороны огромного числа мусульман бывшей Российской империи, в том числе и Казахстана. Вместе с тем лояльность политики не исключала проведения антирелигиозной пропаганды, проводимой, как правило, в завуалированной форме и направленной на ограничение ислама. По мере укрепления советской власти антиисламская политика ужесточалась, обретая характер бескомпромиссной борьбы, направленной на закрытие объектов религиозного культа и духовного образования, ограничение, а затем и ликвидацию мусульманского духовенства, вытравливание из сознания масс религиозного мировоззрения и навязывание коммунистической идеологии. Политической подоплекой ужесточения конфессиональной политики стала объявленная «классовая борьба с врагами социализма», к которым причислялось и мусульманское духовенство. Свою лепту в нагнетание атмосферы нетерпимости к религии и уничтожение духовных основ общества внесли общественные организации: Союз воинствующих безбожников Казахстана, Антирелигиозник, Союз «Кошчи».

Ключевые слова: религия; мусульманское духовенство; антирелигиозная борьба; мечети; секуляризация; журнал «Безбожник».

1. Введение

Осмысление казахстанской истории 20-30-х годов XX столетия, невероятно динамичного по насыщенности событиями, драматичного и в значительной степени трагичного периода, остается важнейшей задачей исторической науки Казахстана. С политической победой советской власти в октябре 1917 г. в стране советов начинается активная модернизация всех сфер общественной жизни, в том числе духовной. С принятием советских законодательных актов в отношении религиозных конфессий формируется новая модель государственно-религиозных отношений.

Политика советского государства в отношении мусульман Казахстана в 1920-1930-ые гг. претерпевала существенные изменения по мере утверждения советской власти. Задача исследования состоит в том, чтобы проанализировать динамику государственно-мусульманских отношений в указанный период, выявить и обосновать причины и факторы ее трансформации, охарактеризовать методы и формы антиисламской политики советской власти и показать степень ее пагубного влияния на духовную жизнь казахстанского социума.

2. Методы и методология

Источниковедческая база исследования представлена документальными материалами из фондов казахстанских архивов: Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Государственного архива г. Нур-Султан (ГАГН), Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО) и Государственного архива Жамбылской области (ГАЖО). Большая часть используемых источников впервые вводится в научный оборот.

В АП РК в фондах 139, 140, 141, 708, 789 выявлены нормативные и делопроизводственные материалы антирелигиозной деятельности Казахского краевого комитета ВКП(б): постановления Кироблбюро РКП(б); резолюции Казкрайкома РКП(б) по вопро-

сам антирелигиозной работы; обзоры ОГПУ КАССР о политическом состоянии Казахстана; протоколы заседаний губкомов; информационные отчеты уездных комитетов ВКП(б) Казкрайкому; отчеты региональных парторганизаций; материалы уездных конференций женщин-мусульманок; отчеты губернских комитетов о культурно-просветительской деятельности среди мусульманского населения и другие. В ЦДНИ ВКО использовались: материалы о деятельности религиозных общин из Ф. 1607 - Личный фонд В.Н. Кашляк (уставы и списки религиозных общин, протоколы общих собраний членов религиозных общин; списки и сведения об имуществе церквей, мечетей, молитвенных домов), делопроизводственные документы местных органов управления по вопросам изъятия мечетей из Ф. 73 - Семипалатинский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а также материалы съездов женщин-мусульманок из Ф. 1-п - Семипалатинский губернский комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). В ГАГН в Ф. 32 - Акмолинский горсовет выявлены и изучены материалы о деятельности региональной ячейки «Союза безбожников» (списки членов местной ячейки, инструкции о проведении антирелигиозной работы), карточки на религиозных деятелей, подвергшихся репрессиям и прочие документы. В фондах 7, 50, 778 ГАЖО изучены материалы, характеризующие региональную борьбу советской власти с мусульманским духовенством в 1920-1930-е гг.: директивные указания ВЦИК и распоряжения Центрального Административного Управления (ЦАУ) по вопросам борьбы с деятельностью мусульманского духовенства, отчеты губернских административных отделов в ЦАУ о закрытии объектов культа.

В методологической части исследование основывается на институциональном подходе, позволяющем понять и обосновать роль и значение религиозных институтов в жизни общества, изучить динамику государственно-мусульманских отношений в 20-30-е гг. XX века в Казахстане через призму анализа

системы взаимоотношений советского государства с религиозными общинами. Методологической базой исследования являются принципы историзма и объективности научного познания. В работе применялись логический и проблемно-хронологический методы, обеспечивающие изложение материала в хронологической последовательности. Сравнительный и системный методы стали доминирующими в работе с документальными архивными источниками, что обеспечило возможность глубокого анализа противомусульманской политики советов. Использование историографических источников обусловило обращение к методам выявления и описания дискурсивных практик современных авторов, в которых фиксировались оценочные суждения и выводы исследователей по проблемам советской государственно-конфессиональной политики в 1920-1930-е годы. В целом же использование вышеперечисленных принципов и методов позволило проследить трансформацию советской политики в отношении ислама в обозначенном хронологическом отрезке, понять и обосновать причины ее ужесточения.

3. Обсуждение

Обратимся к анализу историографических исследований современных отечественных и зарубежных авторов, в которых рассматриваются те или иные аспекты государственной политики большевиков в отношении ислама в обозначенный период.

Г.Д. Мухтарова анализирует исламскую политику советского государства в Казахстане концептуально и выделяет основные этапы ее трансформации в исторической ретроспекции и в контексте развития политических процессов в стране в целом (1). В книге казахского историка М.Е. Койгеддиева «Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов», написанной на архивных документах, комплексно освещаются малоизученные аспекты общественно-политических процессов в Казахстане в 20–40-е гг. XX века (2). Характеризуя репрессивную политику советского государ-

ства, автор приводит данные из обвинительных дел ишанов. Материалы книги наглядно свидетельствуют о том, какое значение советская власть придавала борьбе с мусульманским духовенством, как с людьми образованными, носителями национальной культуры. В работе Н. Нуртазиной «Борьба с исламом. Религиозная политика советской власти в Казахстане в 20–40-е годы XX века» обозначены этапы антиисламской политики в довоенный период, дается их характеристика, показаны губительные последствия антирелигиозной политики для духовного и физического здоровья народа (3). В работах Жанбосиновой А.С., посвященных вопросам взаимодействия государства с религией, рассматривается эволюция законодательно-правовой политики советского государства в отношении религиозного культа. В трактовке автора кампании по изъятию религиозных ценностей в 1920-е гг. следует расценивать как метод борьбы с культом (4, с. 264–275). По мнению автора, был целый ряд политических факторов, детерминировавших репрессии против духовенства (5, с. 240–251). Проблема изъятия церковных ценностей в Казахстане нашла освещение в работе Ж.А. Бегасиловой (6, с. 296–300). Авторы А.Б. Мусагулова и К.Д. Арыстанбекова борьбу советской власти против ислама рассматривают в контексте государственной антирелигиозной политики, обусловленной идеологическими установками (7, с. 26–33). Рысбекова С.Т. обосновывает причины ужесточения религиозной политики государства в Казахстане в 1920-е годы и приходит к выводу, что антирелигиозная борьба стала прикрытием процессов ассимиляции и русификации национальных меньшинств в советском государстве (8, с. 25–30). Неоднозначный характер взаимоотношений государства и религии с первых дней советской власти раскрывается в статье Сактагановой З.Г., Мажитовой Ж.С., Аймахова Е.Н. (9, с. 191–200). Региональные аспекты реализации Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» рассматривает Алмыспаева Г.А. (10, с. 39–54).

Практически все авторы сходятся во мнении о неоднозначности и сложности процесса

выстраивания государственно-исламских отношений в Казахстане в 20-30-х гг. прошлого столетия, а переход к жестким мерам с конца 1920-х гг. трактуют как общеполитическую тенденцию большевистского курса на усиление классово-борьбы.

В отличие от казахстанских исследователей, российские авторы больше обращаются к анализу антирелигиозной политики большевиков на материалах отдельных регионов. Такой подход вполне оправдан; укладываясь в общие рамки официально объявленного государством антирелигиозного курса, подкрепленного нормативными актами, политика советов имела региональные особенности, поскольку реализация религиозного законодательства происходила на местах и зависела от разумности и «усердия» местных деятелей. Антирелигиозную политику советской власти в 1917–1920 годы анализирует А.В. Сипейкин (11, с. 16–38). Антирелигиозная кампания против мусульман Саратовского Поволжья освещена в работе Ж.В. Яковлевой. Автор приходит к выводу, что в результате политики преследования религиозная жизнь населения приобрела нелегальные или полунелегальные формы существования (12, с. 127–132). В.Л. Данилов антирелигиозную политику в регионах Прииртышья делит на два этапа: на первом этапе, в 1920-е гг., использовались культурно-просветительские методы антирелигиозной пропаганды, на втором этапе, в 1930-е гг., преобладали административные методы, а пропаганда сменилась антирелигиозной борьбой (13, с. 43–46). В статье Е.А. Шущкановой антирелигиозная политика советской власти анализируется на материалах Енисейской губернии. Автор резюмирует, что опыт проведения антицерковной политики в Сибири в рассматриваемый период следует считать отражением общей истории России (14, с. 102–117). О.Е. Марченко рассматривает проблемы государственно-исламских отношений в Карачае в 20-30-х гг. XX в. с применением методов устной истории (15, с. 56–61). О.Б. Халидова анализирует особенности реализации религиозной политики советской власти в Дагестане в 1920–1930-х гг., резюми-

руя, что революционные преобразования не принесли религиозным конфессиям свободы от государственной опеки, они попадают в еще большую зависимость. Правительство большевиков расценивало религию как отклонение от общепринятых норм, организуя открытые гонения, антирелигиозные кампании и репрессии (16, с. 19–26). В статье Х.Г. Магомедсалихова и Я.М. Ханмагомедова показаны репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане в 20–30-х гг. XX века (17, с. 85–92). По мнению авторов, советская власть репрессивными методами целенаправленно вытравливала из общественного сознания традиционные для местных народов исламские идеологию и культуру, что привело к пагубным социальным последствиям.

Авторы предлагаемой статьи обосновывают точку зрения о том, что исламская политика большевиков при всей ее прагматичности уже в начале 1920-х годов носила ограничительный характер, несмотря на декларируемую властями поддержку мусульман. Антирелигиозная пропаганда среди мусульман Казахстана в скрытых формах проводилась с первых лет советской власти. Исследование опирается на архивные материалы из фондов архивов разных регионов Казахстана, что позволяет обозначить общие тенденции советской политики в отношении мусульман Казахстана и ее региональные особенности. Новизна обусловлена и тем, что большая часть архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

4. Результаты

Исторически сложилось так, что мусульмане Казахстана были частью огромного мусульманского мира Центральной Азии. Это обстоятельство не могла игнорировать советская власть, выстраивая свои отношения с населением региона. Политика в отношении мусульман в первые годы советской власти отличалась прагматичностью. Она строилась с учетом региональных особенностей этнополитической жизни мусульманского населения Казахстана и Средней Азии, где с начала

XX века были популярны панисламистские и пантюркистские идеи, а всякие попытки властей ограничить ислам, устраивать гонения против мусульман расценивались народами как стремление власти уничтожить их этническую идентичность.

Первым документом советской власти, в котором выражалось ее отношение к мусульманской религии, был Декрет «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года. Текст документа подчеркивал особое отношение к верующим мусульманам и содержал посыл уважения религиозных чувств верующих со стороны советской власти: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы гор и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство! На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки» (18, с. 113–115).

Безусловно, вопрос отношения к исламу был тесно связан с политическими задачами советской власти, поскольку от его решения зависело восприятие и поддержка ее населением. По этой причине исламская политика большевиков в первые годы была подчеркнута внимательной и лояльной, хотя, в сущности, имела двойственный характер: с одной стороны наблюдалось относительно толерантное отношение к исламу как к «религии угнетенного царизмом населения национальных окраин», с другой стороны – постепенное ограничение ислама, равно как и других конфессий.

Свидетельством особого внимания к исламу стало принятие 23 января 1918 г. Декрета

СНК «О Комиссариате по делам мусульман». В соответствии с ним учреждался Комиссариат по делам мусульман внутренней России при Народном Комиссариате по национальным делам. Тогда же, в 1918 г., было создано Центральное бюро мусульманских организаций, а в следующем году - Мусульманское бюро для усиления политической работы среди мусульман страны. На местах при ревкомах создавались мусульманские отделы во главе с ответственными работниками из коренного населения, занимавшиеся вопросами местного мусульманского населения. В Красной армии формировались мусульманские военные подразделения.

Лояльность политики проявлялась и в том, что большевистским деятелям из числа мусульман разрешалось совершать религиозные обряды. Так, специальным распоряжением председателя Кирревкома С. С. Пестковского от 1919 г. сотрудникам мусульманам разрешалось отмечать мусульманский праздник Курбан-Байрам (19, 26 л.). Постановлением Кироблбюро РКП (б) от 12 августа 1920 г. для празднования Курбан-Байрам сотрудники-мусульмане освобождались от занятий на один день, а мусульмане-красноармейцы на четыре дня» (20, л. 29).

Однако лояльность исламской политики большевиков вовсе не означала отказ от антирелигиозной пропаганды среди мусульманского населения, цель которой заключалась в ограничении ислама. Для ее проведения использовались религиозные праздники, собиравшие много людей. Для примера приведем выдержку из приказа председателя Кирревкома за № 73 от 17 июня 1920 г.: «Продуктивно использовать эти праздники для агитации; всех ответственных работников мусульман, а равно и русских, хорошо знающих киргизский язык, состоящих на службе в учреждениях, подведомственных Кирревкому, командировать в намеченные пункты для агитации среди населения. Для осуществления этих мероприятий образовать комиссию в составе Арунгазиева, Кенжина и Сасанева. Названной комиссии представить в Кирревком 12-го сего июня сведения о необходимом количестве агитаторов» (21, л. 15).

В 1920-е гг. широко применялась практика проведения «комсомольского Курбан-Байрама», «комсомольской Пасхи и Рождества» как один из методов антирелигиозной пропаганды, суть которого сводилась к выхолащиванию духовного содержания религиозных праздников. Во время этих мероприятий читали антирелигиозные лекции, ставили спектакли и пьесы, к участию в них привлекалась казахская и татарская молодежь. Приведем фрагмент отчета Букеевской парторганизации: «Проведен комсомольский Байрам-Курбан. В Урде он был ознаменован накануне спектаклем, также читалась антирелигиозная лекция «Что такое религия, происхождение и нынешний характер Байрам-Курбана». Поставлена была антирелигиозная пьеса Манаева «Молдекелер». Проведена комсомольская пасха. На места была направлена подробная инструкция» (22, л.13).

Для эффективности антирелигиозной пропаганды на уровне ЦК РКП(б) принимались многочисленные резолюции, разрабатывались специальные тезисы и инструкции. ЦК РКП(б) требовал от партийных комитетов и политотделов в работе с мусульманами Востока исходить из учета религиозного и национального факторов, играющих большую роль в их жизни. Рекомендовалось вести пропаганду осторожно, учитывать то обстоятельство, что мусульманские религиозные обряды тесно вошли в жизнь верующих и воспринимались как обычаи. В инструкции «Партийная работа среди киргиз» было записано: «В борьбе с национально-религиозными традициями мы должны быть чрезвычайно осторожными... Здесь нужно принимать меры, главным образом, разъяснительного характера, ибо, если мы начнем обычай травить и загоним его в подполье, он будет для отсталого киргиза еще священней, чем раньше. Демонстрируя на каждом шагу, что мы вовсе не стремимся подавлять национальный обычай киргиза, а наоборот с ним считаемся постольку, поскольку он не мешает укреплению советской системы, мы все же считаем обязанностью осторожно объяснить весь вред некоторых из них» (23, л. 14 об.). В 1920 г. ЦК РКП(б) в очередной ин-

струкции указывал на необходимость проявлять «большую осторожность в борьбе с религиозными предрассудками», предлагая бороться против них не прямым отрицанием религии, а ее размыванием посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален, познаний по истории земли и человека и, главным образом, указывая на классовый характер организации мусульманского духовного сословия» (24, л. 49–49 об.). Предлагалось бороться не с отдельными религиозными группами, а с религиозным мировоззрением вообще, избегать оскорбления верующих, чтобы не разжигать религиозный фанатизм. Учитывая эти рекомендации, партийные организации на местах разрешали своим членам совершать намаз. ЦК компартии Туркестана в марте 1923 г. разработал и разослал во все партийные ячейки тезисы «Об антирелигиозной пропаганде в условиях Туркестана», в которых одной из главных задач антирелигиозной пропаганды объявлялось систематическое отстранение улемы - мусульманского духовенства не только от участия, но и от влияния на органы советской власти (25, с. 58–60).

Особое внимание уделялось агитационной работе среди женщин-мусульманок. Тема угнетения и притеснения женщины-мусульманки была одной из основных в советской антиисламской пропаганде. При мусульманских секциях создавались женские отделы. Как следует из отчетов советских чиновников, наиболее распространенной формой антирелигиозной работы среди женщин были делегатские собрания, конференции и съезды женщин-мусульманок. Так, согласно отчету агитационно-пропагандистского отдела Павлодарской уездной организации за июнь 1921 г. в уезде проведено 4 делегатских собрания с представительницами работниц и домохозяйек, мусульманской секцией проведены две беспартийные конференции женщин-мусульманок. В повестке конференций обязательно был доклад «Что дала советская власть женщине?», в резолюции подчеркивалось, что «советская власть женщинам-мусульманкам дала тройную свободу, так как освободила из

под гнета мужей, капиталистов и национального гнета и потому женщина мусульманка должна приложить все усилия к удержанию данной соввластью свободы в своих руках...» (26, л. 29 об., 39 об.). Работу съездов организовывали таким образом, чтобы женщины почувствовали максимум внимания и заботы со стороны советской власти. Вот как описывают в отчетах чиновники работу Семипалатинского губернского съезда женщин-мусульманок в марте 1921 г., в котором участвовали 85 делегатов: «...Этот съезд мусульманок Семипалатинской губернии является первым. Делегатки жадно ловили каждое произнесенное слово о женском равноправии. По признанию самих делегатов, они ехали в Семипалатинск на съезд со страхом, но здесь их приняли как гостей и заботились об их устройстве. Увидев такой прием, мусульманки очень обрадовались и чистосердечно благодарили Советскую власть и партию за заботу о них. Прежнее мнение о коммунистах и Советской власти у женщин-мусульманок рухнуло, и они должны вернуться домой с новыми правильными взглядами» (27, л. 11–13).

Следствием лояльной политики в отношении ислама стало оживление религиозной деятельности, пик которого приходится на середину 1920-х годов. Согласно информационному отчету Киркрайкома РКП(б) о работе за первый квартал 1925 г. подъем религиозного движения происходил в годы НЭП и «выражался в возникновении во всех уездах Края с киргизским составом населения уездных и районных мухтасибатов, низовых религиозных приходов, религиозных школ и шариатско-аксакальских судов». Свидетельством укрепления религиозности среди населения является тот факт, что к 1924 г. во всех киргизских районах КССР действовали сотни религиозных школ с количеством учащихся в них в несколько тысяч человек, сотни шариатско-аксакальских судов и более тысячи функционирующих религиозных приходов. В кочевых районах строились мечети, религиозные школы, дома для мулл, причем нередко каменные, что подчеркивало их высокий статус. Отмечалось возрождение суфийской практики

и быстрый рост числа мюридов – последователей ишанства. В Актюбинской, Уральской, Тургайской, Букеевской губерниях Казахстана их насчитывалось десятки тысяч. Некоторые ишаны имели до 500–800 мюридов (25, с. 89).

Рост религиозного движения чиновники объясняли несколькими факторами. Во-первых, связывали с хозяйственным подъемом в годы НЭП, в частности с ростом «экономической мощи степной киргизской буржуазии», деятельность которых находила поддержку среди населения. Во-вторых, сохранением пережитков родового быта в обществе, где преобладали нормы шариата. В-третьих, слабостью идеологической работы среди населения и недостатком советских школ. Исходя из такой постановки проблемы, выстраивалась и стратегия борьбы с исламом.

Со второй половины 1920-х гг. по мере укрепления советской власти политика в отношении ислама изменилась и характеризовалась ужесточением. В 1926 г. были опубликованы «Тезисы по антирелигиозной пропаганде мусульман КССР», в которых констатировался факт роста активности мусульманского духовенства: «Остатки шаманизма, сливаясь с исламом, занимают значительное место в религиозных представлениях, выражающихся в обращении к умершим» (28, л. 103). В резолюции Казкрайкома РКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде» отмечалось, что «по своей социальной сущности религиозное мусульманское движение приобретает явно антисоветский характер». В ней давалась установка на ограничение мусульманских моральных норм и права: «Упразднить институт мухтасибы там, где он организован, и не разрешать его там, где он еще не успел организоваться» (29, л. 6–9, 20–22).

Ужесточение антиисламской политики было обусловлено объявленным курсом «наступления социализма по всему фронту», пропагандой классовой борьбы. Большевистское правительство стремилось придать борьбе с религиозными конфессиями, в том числе с исламом, классовый характер. Как известно, в конце 1920-х гг. «классовая линия» борьбы становится доминирующей во всех прояв-

лениях политики советского государства, не только в отношении религии. Под лозунгами «классовой борьбы» велась борьба с байством, проводились заготовительные кампании, советизация аулов. Духом классового антагонизма проникнуты обзоры ОГПУ КАССР о политическом и экономическом состоянии республики. К примеру, в обзоре за февраль-март 1928 г. отмечено: «Наблюдавшееся извращение классовой политической линии в деятельности ряда низовых органов советского аппарата, по нашим данным, относится за счет проникновения в эти органы элементов с антисоветской идеологией. Под влиянием этих элементов (кулаков, духовенства, сектантов и др.) некоторые низовые органы допускали в своей деятельности моменты, идущие вразрез декретам и распоряжениям соввласти и против коммунистической установки в них» (30, л. 12–13).

Нагнетанию атмосферы нетерпимости к религии способствовали доклады чиновников с мест в вышестоящие органы, в которых мусульманское духовенство обвиняли в том, что оно ведет «враждебную политику против всех мероприятий Советской власти, какие ею проводятся» (31, л. 67–69). Приведем несколько выдержек из региональных отчетов. В отчете об организационно-массовой работе в Акмолинском округе за 1927 г. - первый квартал 1929 г. сказано: «Духовенство различных течений резких выступлений не проявило, но нужно сказать, что духовенство и разные религиозные секты не дремлют, они приняли ряд методов к отвлечению внимания населения от проводимых кампаний и старались противодействовать этому». Для подтверждения своей правоты чиновники приводят пример, как один батрак-красноармеец во время конфискации байских хозяйств в Атбасарском районе, будучи запуган «карами бога», выступал на собрании бедноты в поддержку баев: «Баям богатство дал бог, так как же мы можем отбирать его у бая против воли бога» » (32, л. 17).

В обзоре о политическом состоянии региона партийные чиновники Сыр-Дарьинской области писали: «Для развала колхозного движения в Аулие-Атинском, Меркенском, Джу-

валинском и ряде других районов мусульманским духовенством широко практиковалась «бата» - клятвенное священное обещание» (33, л. 4). В докладной записке о ходе конфискации байского имущества Сырдарьинского округа в период с февраля по октябрь 1928 г. отмечено: «Байство, духовенство и их приспешники развивают лихорадочную деятельность и проявляют большую активность, направленную против конфискации, применяя самые разнообразные методы сопротивления. К наиболее распространенному способу уклонения от конфискации, носящему массовый и вместе с тем «пассивный» характер относится откочевка с имуществом и скотом за пределы КССР (Китай), и в пределах КССР, в отдаленные, глубинные пункты и в районы, где не проводится конфискация» (34, л. 8). Духовенство обвинялось в противодействии проведению заготовительных кампаний. «Конфликты между властью и населением на почве сельхозпродналога, в которых активное участие принимает мусульманское духовенство, наблюдаются повсюду» - пишет казахский историк М.К. Койгелдиев (2, с. 220).

Власти обвиняли мусульманское духовенство в подрыве культурных мероприятий советской власти: «...оно пытается удержать в своих руках народное образование, открывает и поддерживает нелегальные школы; присваивает себе функции органов ЗАГСа; занимается врачеванием, поддерживает авторитет баев и аксакальских мулов, способствует эксплуатации и закабалению бедноты и женщин мусульманок». И наконец, духовенству приписывали контрреволюционную деятельность: «...натравливает верующих на неверующих, вытесняя последних путем составления списков; ведет агитацию против членов союза «Кошчи», объявляя их «Кафырмами»; занимается провокацией, распространяет контрреволюционные слухи» (31, л. 69). Подобные обвинения стали предлогом для усиления антиисламской борьбы.

Как известно, борьба с религиозными общинами в стране активизировалась после принятия Постановления ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению анти-

религиозной работы» и Постановления Совнаркома и ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», ставших отправной точкой очередной антирелигиозной кампании, опиравшейся на советское законодательство. Последнее постановление конкретизировало положения Декрета от 23 января 1918 года. Допускалось существование двух видов религиозных объединений: религиозное общество, объединявшее более 20 верующих, и религиозная группа, включавшая менее 20 человек. Они обладали равными обязанностями, но религиозная группа имела прав меньше. Все действовавшие в стране религиозные объединения были обязаны регистрироваться в течение года. Местные власти имели право отказать в регистрации, контролировать состав «двадцаток», отвергать неудобных должностных лиц. Допускалось «мотивированное» изъятие молитвенного здания от верующих для других надобностей, верующие могли обжаловать действия местных властей, в этом случае окончательное решение принимал Президиум ВЦИК. Постановление запрещало преподавание религиозных вероучений не только в государственных, но и в частных учебных заведениях. Религиозным объединениям запрещалось заниматься благотворительностью, организовывать паломничество верующих к святым местам и т. д. Деятельность служителей культа была ограничена местом жительства их и членов нанимавшего их прихода. Постановление было дополнено инструкцией НКВД от 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений».

В Казахстане ограничения в отношении мусульманского духовенства начались раньше, что связано, по-видимому, с оживлением религиозного движения в республике. Об ужесточении антиисламской политики в Казахстане во второй половине 1920-х гг. и мерах борьбы с духовенством свидетельствует директивный документ за № 260, подписанный Председателем ВЦИК М. Калининым 22 августа 1927 г., и последовавшее за ним распоряжение начальника Центрального Административного Управления (ЦАУ) Ескараева

губернским административным отделам «О мерах борьбы с вредной деятельностью мусульманского духовенства» (31, л. 65, 67–69). Содержание документов свидетельствует о том, что наступление против духовенства велось по нескольким направлениям. В целях подрыва основ организационного построения и ограничения влияния духовенства на массы были приняты меры, запрещающие контакты представителей и уполномоченных Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ) с населением; вводился запрет на посещение ими мусульманских мечетей и районов с мусульманским населением. Формальным поводом послужило снятие с регистрации Устава ЦДУМ, о чем власти оповестили мусульман циркуляром за номером № 871 от 4 июля 1927 года.

Другое направление борьбы против духовенства состояло в том, чтобы подорвать экономическую базу служителей культа. Еще в первой половине 1920-х гг. у мечетей были изъяты земли, а муллы лишены оплаты. В соответствии со ст. 2 инструкции НКЮ за №6 от 4 августа 1918 г., ст. 685 и ст. 16 инструкции НКЮ и НКВД за №16 от 7 апреля 1923 г. членам религиозных групп и общин верующих, подписавших договор на пользование зданием культа, разрешалось собирать добровольные пожертвования на покрытие расходов по содержанию мечети. Всякого рода другие сборы, под видом на «религиозные надобности», в пользу святых мест, на религиозные школы, на содержание духовенства и махтасибатов ЦДУМ были запрещены. Духовенству строго запрещалось возлагать на верующих уплату за них государственных и местных налогов, заниматься врачеванием, торговлей «целебными средствами» (травами, кореньями и т. д.).

Под предлогом угрозы со стороны духовенства вводился ряд административных ограничений. Мусульманскому духовенству запрещалось самовольно развезжать по аулам и районам для ведения проповедей; на каждый такой выезд они должны были получать согласие в письменной форме от местного адмтдела, а пребывая на месте, явиться в исполком или милицию и предъявить разрешение

адмотдела. Запрещалось проведение религиозных съездов и конференций без специального письменного разрешения губернского административного отдела. В соответствии с п. 5 Инструкции НКЮ и НКВД от 19 июня 1923 г. разрешалось проводить молитвенные собрания для совершения религиозных обрядов. Но если возникал вопрос, связанный с управлением культовым имуществом, то такие собрания можно было проводить только с разрешения местных властей. На таких собраниях запрещалось обсуждать вопросы, связанные с переделом сенокосных и земельных угодий, о распределении воды, семсуды, вопросы о кооперации, народном просвещении, здравоохранении, союзе «Кошчи».

В некоторых губерниях при мечетях функционировали религиозные школы для подростков, разрешенные в порядке Инструкции КЦИК от 9 января 1925 г. за №45. Власти на местах проводили тщательное обследование таких школ и в случае обнаружения каких-либо отклонений школы ликвидировались, а муллы привлекались к ответственности. Простых верующих членов религиозных общин за это к ответственности не привлекали. Все нелегально существующие религиозные школы были закрыты. Открывать курсы для подготовки или переподготовки духовенства можно было лишь с разрешения ЦАУ КАЗ ССР (циркуляр НКВД КССР от 8 марта 1926 г. за № 119). Мусульманскому духовенству строго запрещалось ведение записей семейных актов и выдача справок и выписок из метрических книг. За присвоение юридических функций духовных лиц привлекали к ответственности.

Власти понимали, что жесткие ограничения могут вызвать недовольство и протесты. На этот счет местным чиновникам рекомендовалось в борьбе против духовенства «решительно избегать возбуждения недовольства среди верующих масс», а всякого рода предупреждения и распоряжения делать мусульманскому духовенству не во время богослужения и не в присутствии верующих, а вызывать их в учреждения в зависимости от обстоятельств дела, посылать надежных сотрудников к ним на квартиру. Запрещалось

вступать в споры с духовенством, оскорбительных слов и выражений не использовать, а вполне корректно, но твердо и ясно излагать им свои распоряжения, предупреждения и требования, подкрепляя таковые ссылками на соответствующие законы и постановления советской власти. В инструктивных документах центра содержалась еще одна важная установка; региональным властям рекомендовалось «с соответствующей осмотрительностью возбуждать и уголовные дела против мусульманского духовенства, не допускать затяжки производства по этим делам, а всякий раз при получении материала, достаточного для возбуждения дела, немедленно начинать таковое и тут же применять к обвиняемым законные меры против уклонения от следствия и суда» (31, л. 69).

В конце 1920-х гг. в республике, как и в стране в целом, начинается новый виток антирелигиозной борьбы, в ходе которой закрывались объекты религиозного культа, а здания передавались под общественные нужды. Для примера обратимся к рассмотрению истории уничтожения мечетей в Семипалатинске, где в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века было 10 мечетей. Хроника их закрытия такова. Первые пять мечетей (мечеть №6, построенная баем Мухамеджаном, каменная мечеть, построенная Хамитовым, две мечети Мусина и мечеть в выселках) были изъяты у верующих в 1930 г. постановлением общегородских собраний членов Союза «Кошчи» под предлогом того, что они бесхозяйственные и пустующие (35, л. 499). Решением президиума Семипалатинского горсовета от 29.09.1932 г. были изъяты и ликвидированы еще три мечети (в документах значатся как мечети №№ 2, 5, 8), опять же под предлогом не востребуемости и антисанитарного состояния. Мечеть №2 была самой большой в городе; она представляла собой комплекс размером 24 на 53 кв. сажени с двумя башнями, который занимал целый городской квартал. Для ликвидации мечети была создана специальная комиссия, в которую вошли представители Горфо, Горно, Гормилиции, Архивного управления и представитель религиозного объединения.

Комиссия немедленно приступила к распределению культового имущества и ценностей этой мечети. В конечном счете принята была только мечеть, поскольку имущества ко дню приема в мечети не было. Здание мечети было передано в распоряжение Горно под детдом. Протокольным решением Семипалатинского горсовета от 26.10.1933 г. помещение мечети №5 было передано под общежитие студентов кооперативного техникума (35, 501 л.). Руководствуясь разъяснением юридической части Верховного Совета Казахской ССР от 15. 11. 1939 г. об использовании пустующих помещений церквей и мечетей, Семипалатинский горисполком 27. 01. 1940 г. постановил: пустующее помещение мечети № 3 передать под клуб общества «Большевик», а помещение мечети № 6 передать под клуб обкому Союза рабочих Госторговли. Облисполком санкционировал все решения горсовета (35, л. 506).

Архивные документы свидетельствуют о том, что закрытие религиозных культовых сооружений проходило повсеместно с процессуальными нарушениями, а состоявшиеся факты закрытия юридически подтверждались задним числом. Законодательно изъятие храмов и мечетей должно было осуществляться постановлением краевых исполкомов. Но инициатива закрытия исходила, как правило, от местных властей. Под вымышленными и надуманными предлогами, как например, ветхость и непригодность зданий, сокращение численности верующих в местных общинах (при этом цифры о количестве верующих подтасовывались, умышленно занижались), местные чиновники ходатайствовали об изъятии у верующих объектов культа. Не дожидаясь решения краевых исполкомов, местная администрация проводила изъятие и переоборудование культовых помещений под клубы, кинотеатры, библиотеки, а самые ветхие – разбирались на строительные материалы. В условиях неразвитости инфраструктуры и отсутствия помещений под различные образовательные, общественные и культурно-просветительские организации вопрос решался просто; посредством изъятия и муниципализации религиозных храмов и мечетей у верующих.

К концу 1930-х гг. практически все объекты религиозного культа в республике уже были закрыты. Так, на запрос облисполкома от 16.01.1938 г. представить сведения о закрытии и количестве действующих церквей и мечетей, чиновники Аулие-Аты рапортовали: «Сообщаем, что действующих, как церквей, а также и мечетей в г. Мирзояне (Аулие-Ата) нет. Председатель Горсовета - Бученко, секретарь – Сидоров» (36, л. 3). Ускоренному закрытию объектов религиозного культа по всей стране способствовало принятие советским правительством антирелигиозной пятилетки (1932–1937 гг.).

Репрессивный характер политики государства в отношении религиозных конфессий, в том числе ислама, проявлялся и в том, что практическим регулированием отношений религиозных организаций с государством в 1920-1930-х гг. занимался отдел ЧК, 6-е секретное отделение ОГПУ и НКВД. На НКВД до 1932 г. возлагались функции общего надзора за деятельностью религиозных организаций, их регистрации, выдачи разрешений на проведение собраний и съездов. С 1932 г. эти функции перешли к местным исполкомам. В 1930-х годах была создана Центральная комиссия по вопросам культов. Изначально она состояла при Президиуме ВЦИК, а с 1934 г. при Президиуме ЦИК СССР. Комиссия осуществляла общее руководство и наблюдение за применением законов о культах на всей территории РСФСР, разработку проектов законодательных актов, общий учет религиозных объединений, рассмотрение жалоб верующих. В первой половине 1930-х гг. в комиссию поступало огромное количество жалоб верующих на действия местных властей по закрытию церквей и мечетей. Комиссия отмечала рост «большого количества грубых нарушений советского законодательства о культах» на местах (37, с. 169). Однако в апреле 1938 г. комиссия была упразднена. Руководство государственно-религиозными отношениями в 1930-е гг. по-прежнему находилось в ведении НКВД.

Определенную роль в антиисламской борьбе играли общественные организации, такие

как «Союз воинствующих безбожников» Казахстана (СВБ), Союз «Кошчи», «Антирелигиозник». Ячейки СВБ в Казахстане повсеместно создавались с 1926 года. Их главная цель состояла в массовой атеизации населения, проходившей под лозунгами «Религия – опиум для народа!» и «Борьба против религий – борьба за социализм!». «У безбожников есть задача поважней и посерьезней. А именно разоблачать религию, показать, что учение религии имеет одну цель – утверждать царство капитала на земле» - такую установку получали агитаторы (38, с. 18).

В 1939 г. под редакцией Ф.Н. Олещука вышла «Инструкция по работе городских и сельских ячеек СВБ». В ней разъяснялись цель и задачи организации, давались установки по организации и проведению массовой работы, индивидуальной агитации, применению художественных форм работы, практические рекомендации по оформлению уголка безбожника. Инструкция требовала от членов СВБ «организовать работу так, чтобы она носила конкретный оперативный характер. Это значит, что ячейка СВБ должна знать, каковы религиозные пережитки в данной местности, и их, прежде всего, разоблачать в своей работе, знать деятельность врага и давать ему отпор в своей повседневной работе. Результаты своей работы ячейка должна расценивать в зависимости от того, сколько верующих она сделала неверующими» (39, л. 4–12). В Инструкции особо подчеркивалось, что на предприятиях, в колхозах, МТС, совхозах, где работают рабочие и колхозники различных национальностей, ячейка СВБ проводит работу с учетом особенностей каждой национальности и религии. В качестве агитационных материалов использовались материалы антирелигиозных изданий: иллюстрированной еженедельной газеты «Безбожник», журнала «Безбожник» и научно-методического журнала «Антирелигиозник». На страницах журналов печатались научно-популярные статьи антиисламского содержания, в которых ислам характеризовался как «глубоко враждебное народу» учение, против которого «должен бороться каждый сознательный трудящийся» (40, с. 8).

СВБ внес свою лепту в нагнетание антирелигиозной атмосферы. Приведем выдержку из доклада председателя Совета СВБ Казахстана Ибрагимова: «Церковники, муллы и сектанты стараются использовать всякую брешь в постановке антирелигиозной пропаганды... и по своему толкуют Сталинскую Конституцию, ведут агитацию за выход из колхозов, за восстановление мечетей и церквей, за соблюдение религиозных праздников и постов, за посещение так называемых святых гробниц и мазаров..., всячески цепляются за соблюдение пережитков религиозной старины» (41, л. 11).

В 1930-е гг. антирелигиозное движение набирало обороты, численность членов СВБ росла. По данным Союза воинствующих безбожников Казахстана на апрель 1939 г. число его членов составлял 82107 человек, объединенных в 3362 ячейки. Но уже на 1 января 1940 г. СВБ Казахстана объединял в своих рядах 148173 человека в составе 4657 ячеек (42, л. 15).

Тема антиисламской борьбы поддерживалась научным сообществом. В 1930-е гг. вышло несколько изданий, научных и научно-популярных, в которых ислам представлялся как «самая реакционная религия». В 1931 г. издана книга «Религиозные верования народов СССР», представлявшая собой сборник этнографических материалов, составленный учеными, научными работниками Центрального музея народоведения, среди которых С.П. Толстов, А.Г. Аполлова. Характеризуя религиозные воззрения народов Средней Азии и Казахстана, авторы обосновывали классовое происхождение ислама и его реакционную сущность: «Ислам отражает идеологию лишь торгово-капиталистического уклада». Выводы авторов подтверждали необходимость борьбы против мусульманского духовенства: «Классовый враг имеет в своих руках многочисленную, хорошо обученную армию духовенства, разнообразных родов оружия, тысячью незаметных нитей связанных с населением, - мулл, ишанов, с их мюридами, ...разнообразнейших прислужников богослужения... Все эти служители культов, как бы на первый взгляд ни непримиримыми они казались, единым фронтом выступают против нас, тормозя со-

циалистическое наступление, одинаково обслуживая интересы наших классовых врагов. Безбожникам Средней Азии предстоит титаническая работа» (43, с. 267).

Жестокая критика ислама и мусульманского духовенства содержалась в работе Ф.Н. Олещука «О реакционной роли мусульманского духовенства», вышедшей в 1937 году. В ней автор «разоблачал реакционную сущность ислама», называя мусульманское духовенство «пособниками колонизаторской политики царизма и контрреволюции», «злбными врагами социализма», а мусульманские мечети – «центрами деятельности антисоветских, националистических элементов» (44, с. 24).

5. Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что вопрос взаимоотношений советской власти с мусульманством определялся политической ситуацией в стране. В первые годы относительная лояльность большевиков к исламу, в сравнении и другими конфессиями, обусловлена была желанием утверждающейся советской власти получить поддержку огромного числа мусульман бывшей Российской империи, в том числе и Казахстана, что было не осуществимо без признания идей ислама. Но по мере укрепления советской власти политика в отношении мусульман ужесточалась, обретая характер бескомпромиссной антирелигиозной борьбы, направленной на ограничение, а затем и ликвидацию мусульманского духовенства. Стратегическим рубежом карди-

нальных перемен советской политики в отношении ислама стала середина 1920-х гг.

Репрессивная политика советской власти в 1920-1930-е гг. в отношении ислама имела глубокие социокультурные последствия. Колоссальный удар был нанесен духовной жизни основной массы мусульманского населения Казахстана. Она была под жесточайшим идеологическим прессингом и административным запретом, что привело практически к полному исчезновению из легальности всех проявлений религиозной жизни в регионе. Вместо традиционных духовных ценностей, веками бытовавших в мусульманском социуме, государство насаждало глубоко идеологизированные, классовые бездуховные ценности и нормы. Однако потребности населения в религиозных практиках сохранялись, а потому религиозная жизнь мусульман приобрела форму полуполегалного существования. Духовная жизнь мусульман Казахстана при всех сложностях и административных запретах продолжалась; проявлением ее стало сохранение религиозной обрядности, религиозных праздников, таких как Курбан Байрам, практики паломничества к «святым местам», соблюдение в быту всех требований религиозного культа старшим поколением.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта: AP08855487).

Список литературы

- 1 Мухтарова Г.Д. Ислам в советском Казахстане. Дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.02 - Отечественная история. – Уральск, 2007. – 310 с.
- 2 Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х годов / М.К. Койгелдиев. – Алматы: Наука, 2009. – 448 с.
- 3 Нуртазина Н. Борьба с исламом. Религиозная политика советской власти в Казахстане в 20-40-е годы XX века / Н. Нуртазина. – Алматы: «Қазақ университеті», 2008. – 36 с.
- 4 Жанбосинова А.С. Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX века как метод борьбы с культом // Народы и религии Евразии. – 2015. – № 8. – С. 264 – 275.

- 5 Жанбосинова А.С. Религиозная политика: ислам и советская власть // Народы и религии Евразии. – 2012. – № 5. – С. 240–251.
- 6 Бегасилова Ж.А. Изъятие церковных ценностей в Казахстане в 1922 году // Вестник КазНПУ. – 2017. – № 4. – С. 296–300.
- 7 Мусагулова А.Б., Арыстанбекова К.Д. Борьба советской власти против религии и ее отрицательные последствия в национальном самосознании // Вестник КазНПУ. – 2015. – №1. – С. 26–33.
- 8 Рысбекова С.Т. Изменение религиозной политики государства в Казахстане (20-е годы XX века) // Вестник Академии знаний. – 2014. – №2(9). – С. 25–30.
- 9 Сактаганова З.Г., Мажитова Ж.С., Аймахов Е.Н. Государство и религия в советской истории: этапы и особенности взаимоотношений в Казахстане // Вестник КазНПУ. – 2017. – №2(53). – С. 191–200.
- 10 Алпыспаева Г. А. Архивные источники о реализации Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Казахстане в 1920-е годы (на материалах Акмолинского уезда) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2019. – Вып. 90. – С. 39–54.
- 11 Сипейкин А. В. Антирелигиозная и антицерковная политика советской власти: 1917–1920 годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История, 2016. – № 4. – С. 16–38.
- 12 Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в отношении мусульман Саратовского Поволжья // Изв. Сарат. ун-та. Сер. История. Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 127–132.
- 13 Данилов В.Л. К вопросу о взаимоотношениях государства и верующих мусульман в 20-30-е годы XX столетия в Прииртышье // Вестник Омского университета. – 2001. – № 2. – С.43–46.
- 14 Шушканова Е. А. Анализ антицерковной политики советской власти в деревне в 20-гг. XX в. (на материалах Енисейской губернии) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2020. – № 96. – С. 102–117.
- 15 Марченко О.Е. Взаимоотношения советской власти и мусульманского духовенства в 20-30-х годах XX века: анализ с привлечением метода устной истории // Вестник Чувашского университета, 2008. – №1. – С. 56 – 61.
- 16 Халидова О.Б. Реализация религиозной политики советской власти в Дагестане в 1920–1930-х гг. // Вестник института ИАЭ. – 2015. – № 4. – С. 19–26.
- 17 Магомедсалихов Х.Г., Ханмагомедов Я.М. Репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане в 20–30-х гг. XX века // Исламоведение. – 2012. – № 3. – С. 85–92.
- 18 Декреты Советской власти. – Москва, 1957. – Т. 1. – С. 113–115.
- 19 Архив Президента Республики Казахстан (далее АП РК). Ф. 811. Оп. 4. Д. 290.
- 20 АП РК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 4.
- 21 АП РК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 25.
- 22 АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 615. Л. 13.
- 23 АП РК. Ф. 140. Оп.1. Д.10. Л.14об.
- 24 АП РК. Ф. 140. Оп.1. Д. 38. Л 49–49 об.
- 25 Преодолевая религиозное влияние ислама (сб. документов и материалов). – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 256 с.
- 26 АП РК. Ф. 140. Оп.1. Д. 102. Л. 39 об.
- 27 Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (далее ЦДНИ ВКО). Ф. 1–п. Оп. 1. Д. 194. Л. 11–13.
- 28 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 980. Л. 103.
- 29 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 347. Л. 6–9, 20–22.
- 30 АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1701. Л. 12–13.
- 31 Государственный архив Жамбылской области (далее ГАЖО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 640. Л. 67–69.
- 32 Государственный архив города Нур-Султан (далее ГАГН). Ф. 241. Оп. 1. Д. 6. Л.17.
- 33 ГАЖО. Ф. 778. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.
- 34 ГАЖО. Ф. 778. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.
- 35 ЦДНИ ВКО. Ф. 1607. Оп. 2. Д. 2. Л. 499.
- 36 ГАЖО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.
- 37 Потапова Н.В. Политика Советского государства в отношении церкви в 1940–1980 гг. (нормативно - правовые основы регулирования). Из истории права и государства // Ленинградский юридический журнал, 2007. – № 4. – С. 166–178.

- 38 Панкратов Н. На что обратить внимание в деревне // Безбожник у станка. – 1928. – № 3. – С. 18.
39 ГАГН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 96. Л. 4–12.
40 Климович Л. Что такое мусульманство? // Безбожник. – 1938. – № 4 (апрель). – С. 6–8.
41 АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 591. Л. 11.
42 АП РК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 859. Л. 15.
43 Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. – Москва: Московский рабочий, 1931. – 379 с.
44 Олещук Ф. О реакционной роли мусульманского духовенства / Ф. Олещук. – Алма-Ата: Партиздат ЦК(б)К, 1937. – 24 с.

Галия А. Алпыспаева, Гульмира Жуман

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті Нұр-Сұлтан, Қазақстан

1920-1930 жж. Қазақстандағы кеңес өкіметінің мемлекеттік-конфессиялық саясатындағы ислам дискурсы

Аңдатпа. Мақалада ХХ ғасырдың 20-30 жылдарындағы Қазақстан мұсылмандарына қатысты кеңестік мемлекеттік саясаттың әлеуметтік-саяси аспектілері қарастырылады. Зерттеудің дереккөзтану базасы Қазақстан Республикасының мұрағаттар қорларынан алынған құжаттық материалдармен ұсынылған. Мұрағат дереккөздерін талдау негізінде Кеңес өкіметінің нығаюына қарай мұсылман қатынастарының өзгеруі: большевиктер жеңісін алғашқы жылдарындағы исламға деген толеранттылықтан бастап, кейінгі онжылдықтардағы мұсылмандардың құқықтары мен бостандықтарының толық зайырлығына дейін көрсетілді. Кеңес мемлекетінің дінге қарсы күресінің формалары мен әдістеріне сипаттама беріледі, оның мұсылмандардың рухани өміріне зиян әсері туралы тезиспен негізделеді, ол қатаң әкімшілік қысым мен жалпы шектеулер жағдайында жартылай заңды өмір сүру формасын қабылдады. Кеңес мемлекетінің исламға қатысты саясаты елдегі саяси жағдайды ескере отырып құрылды. Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарындағы саясаттың адалдығы белгілі бір дәрежеде діни қозғалыстың уақытша жаңдануына ықпал етті. Бұл Ресей империясының, соның ішінде Қазақстанның көптеген мұсылмандарының тарапынан соңғы болып саяси қолдау алуға деген ниетімен байланысты болды. Сонымен бірге, адалдық исламды шектеуге бағытталған дінге қарсы үгіт-насихат жүргізуді жоққа шығармады. Кеңес өкіметі күшейген сайын исламға қарсы доктрина күшейе түсті, ол діни ғибадат пен рухани білім нысандарын жабуға, мұсылман дінбасыларын шектеуге, содан кейін жоюға, діни дүниетанымның бұқарасын санадан шығаруға және коммунистік идеологияны енгізуге бағытталған ымырасыз күрес сипатына ие болды. Конфессиялық саясатты қатаңдатудың саяси негізі мұсылман дінбасылары да жіктелген «социализм жауларына қарсы таптық күрес» деп жарияланды. Дінге төзбеушілік ахуалының нығаюына, қоғамның рухани негіздерінің жойылуына қоғамдық ұйымдар: Қазақстанның әскери атеистер Одағы, дінге қарсы күрескер, «Қошчи» Одағы өз үлестерін қосты.

Түйін сөздер: Дін; мұсылман дінбасылары; дінге қарсы күрес; мешіттер; зайырлылық; «Безбожник»-журналы.

Galia A. Alpyspaeva, Gulmira Zhuman

Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University Nur-Sultan, Kazakhstan

Islamic discourse in the state confessional policy of the Soviet government in Kazakhstan in the 1920 - 1930s

Abstract. The article considers the social and political aspects of the Soviet state policy towards the Muslims of Kazakhstan in the 20- the 30s of the XX century. Documentary materials from the archives of the Republic of Kazakhstan represent the source study base of the research. Based on the analysis of archival sources, the transformation of state-Muslim relations is shown as the Soviet power strengthened: from a tolerant attitude

towards Islam in the first years of the victory of the Bolsheviks to the complete secularization of the rights and freedoms of Muslims in the following decades. The author gives a characteristic of the forms and methods of the anti-religious struggle of the Soviet state, substantiates the thesis about its harmful influence on the spiritual life of Muslims that, under conditions of the most severe administrative pressure and total restriction, took the form of a semi-legal existence. The policy of the Soviet state in relation to Islam was built considering the political situation in the country. The loyalty of politics in the early years of Soviet power to a certain extent contributed to the temporary revival of the religious movement. It was due to the desire of the latter to receive political support from a huge number of Muslims of the former Russian Empire, including Kazakhstan. At the same time, loyalty did not exclude the conduct of anti-religious propaganda aimed at limiting Islam. As the Soviet power strengthened, the anti-Islamic doctrine became tougher, acquiring the character of an uncompromising struggle aimed at closing the objects of a religious cult and spiritual education, limiting, and then eliminating the Muslim clergy, etching the religious worldview from the minds of the masses, and imposing communist ideology. The declared "class struggle against the enemies of socialism," which included the Muslim clergy, became the political underpinnings of the tightening of confessional policy. Public organizations made their contribution to whipping up the atmosphere of intolerance towards religion, to the destruction of the spiritual foundations of society: the Union of Militant Atheists of Kazakhstan, Anti-religious, the Union «Koshchi».

Keywords: Religion; Muslim clergy; anti-religious struggle; mosques; secularization; the magazine «Atheist».

References

- 1 Muhtarova G.D. Islam v sovetskom Kazahstane [Islam in Soviet Kazakhstan]. Dis. ... d-ra ist. nauk. 07.00.02 - Otechestvennaya istoriya [Diss. Of Doctor in Philosophy. 07.00.02 - Native History.]. Ural'sk, 2007, 310 p. [in Russian].
- 2 Kojgeldiev M.K. Stalinizm i repressii v Kazahstane 1920-1940-h godov [Stalinism and repression in Kazakhstan in 1920-1940s], (Nauka, Almaty, 2009, 448 p.), [in Russian].
- 3 Nurtazina N. Bor'ba s islamom. Religioznaya politika sovetskoj vlasti v Kazahstane v 20-40-e gody XX veka [Struggle against Islam. Religious policy of the Soviet government in Kazakhstan in the 20-40s of the XX century], (Kazak universiteti, Almaty, 2008, 36 p.), [in Russian].
- 4 Zhanbosinova A.S. Kampaniya po iz'yatiyu religioznykh tsennostey v 20-e gg. XX veka kak metod bor'by s kul'tom [Campaign to seize religious values in 20 years of the twentieth century as a method of dealing with Cult] Narody i religii Evrazii [The Peoples and Religions of Eurasia], 2015. No.8. P. 264-275, [in Russian].
- 5 Zhanbosinova A.S. Religioznaya politika: islam i sovetskaya vlast' [Religious Politics: Islam and Soviet Power] Narody i religii Evrazii [The Peoples and Religions of Eurasia], 2012. No. 5(5). P. 240-251, [in Russian].
- 6 Begasilova Zh.A. Iz'yatie tserkovnykh tsennostey v Kazahstane v 1922 godu [The seizure of church valuables in Kazakhstan in 1922] Vestnik KazNPU [Bulletin of KazNPU], 2017. No. 4. P. 296-300, [in Russian].
- 7 Musagulova A.B., Arystanbekova K.D. Bor'ba sovetskoj vlasti protiv religii i ee otricatel'nye posledstviya v nacional'nom samosoznanii [The Struggle of the Soviet Power against Religion and Its Negative Consequences in National Identity] Vestnik KazNPU [Bulletin of KazNPU], 2015. No.1. P. 26-33, [in Russian].
- 8 Rysbekova S.T. Izmenenie religioznoj politiki gosudarstva v Kazahstane (20-e gody XX veka) [Changes in the religious policy of the state in Kazakhstan (20s of the twentieth century)] Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2014, No. 2(9). P. 25-30, [in Russian].
- 9 Saktaganova Z.G., Mazhitova Zh.S., Aymakhov E.N. Gosudarstvo i religiya v sovetskoj istorii: etapy i osobennosti vzaimootnosheniy v Kazahstane [State and religion in Soviet history: stages and peculiarities of relationships in Kazakhstan] Vestnik KazNPU [Bulletin of KazNPU], 2017. No. 2(53). P. 191-200. [in Russian].
- 10 Alpyspaeva G. A. Arkhivnye istochniki o realizatsii Dekreta «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi» v Kazahstane v 1920-e gody (na materialakh Akmolinskogo uezda) [Archival Sources on the Implementation of the Decree "On Separation of Church from State, and School from Church" in Kazakhstan in the 1920s (based on Materials of Akmola District)] Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoy Tserkvi [Bulletin of PTSU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2019. Vol. 90. P. 39-54, [in Russian].
- 11 Sipeykin A. V. Antireligioznaya i antitserkovnaya politika sovetskoj vlasti: 1917-1920 gody [The soviet antireligious and antichurch Policy: 1917-1920th] Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tver State University. Series: History], 2016. No.4. P. 16- 38, [in Russian].

- 12 Yacovleva Zh.V. Antireligioznaya kampaniya v otnoshenii musul'man Saratovskogo Povolzh'ya [The Anti-religious Campaign Against Muslims of Saratov Volga Region in the 1930s.] *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestia of the Saratov State University. Ser. of History. International Relations.], 2017. vol. 17, iss. 1. P. 127–132, [in Russian].
- 13 Danilov V.L. K voprosu o vzaimootnosheniyah gosudarstva i veruyushchih musul'man v 20-30-e gody XX stoletiya v Priirtysh'e [On the issue of the relationship between the state and Muslim believers in the 20-30s of the twentieth century in the Irtysh region] *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2001. No.2. P. 43–46, [in Russian].
- 14 Shushkanova E. Analiz anticerkovnoj politiki sovetskoj vlasti v derevne v 20-gg. XX v. (na materialah Enisejskoj gubernii) [Analysis of the anti-church Policy of soviet authorities in Rural areas in the 1920s (with materials of Yenisei province as an example)] *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Bulletin of PTSU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2020. Vol. 96. P. 102–117, [in Russian].
- 15 Marchenko O.E. Vzaimootnosheniya sovetskoj vlasti i musul'manskogo dukhovenstva v 20-30-h godakh XX veka: analiz s privlecheniem metoda ustnoy istorii [The Correlations of soviet Power and muslim Clergy in 20-30 years of XX century: analysis with methods of oral History] *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash university], 2008. No.1, P. 56–61.
- 16 Halidova O.B. Realizaciya religioznoj politiki sovetskoj vlasti v Dagestane v 1920–1930-h gg. [Implementation of the religious policy of the Soviet government in Dagestan in the 1920s and 1930s] *Vestnik instituta IAE* [Bulletin of IAE], 2015. No. 4. P.19–26. [in Russian].
- 17 Magomedsalihov H.G., Hanmagomedov YA.M. Repressii v otnoshenii musul'manskogo duhovenstva v Dagestane v 20–30-h gg. XX veka [Repressions against the Muslim clergy in Dagestan in the 1920s and 1930s XX century] *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2012. No. 3. P. 85–92, [in Russian].
- 18 Dekrety Sovetskoj vlasti [Soviet decrees]. Moscow. 1957. V. 1. P. 113–115, [in Russian].
- 19 Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan (dalee AP RK) [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (hereinafter AP RK)]. F. 811. Op. 4. D. 290. L. 26. [in Russian].
- 20 AP RK. F. 140. Op. 1. D. 4. L. 29. [in Russian].
- 21 AP RK. F. 140. Op1. D. 25. L. 15. [in Russian].
- 22 AP RK. F. 139. Op. 1. D. 615. L. 13. [in Russian].
- 23 AP RK. F. 140. Op.1. D.10. L.14 ob. [in Russian].
- 24 AP RK. F. 140. Op.1. D. 38. L. 49–49 ob. [in Russian].
- 25 Preodolevaya religioznoe vliyanie islama (sb. dokumentov i materialov) [Overcoming the religious influence of Islam (collection of documents and materials), (Kazakhstan, Alma-Ata, 1990, 256 p.), [in Russian].
- 26 AP RK. F. 140. Op.1. D. 102. L. 39 ob., [in Russian].
- 27 Centr dokumentacii novejshej istorii Vostochno-Kazahstanskoj oblasti (dalee CDNI VKO) [Center for Documentation of the Contemporary History of the East Kazakhstan Region (CDNI VKO)]. F. 1-p. Op. 1. D. 194. L. 11–13, [in Russian].
- 28 AP RK. F. 141. Op. 1. D. 980. L. 103, [in Russian].
- 29 AP RK. F.141. Op. 1. D. 347. L. 6–9, 20–22, [in Russian].
- 30 AP RK. F. 141. Op. 1. D. 1701. L. 12–13, [in Russian].
- 31 Gosudarstvennyj arhiv Zhambylskoj oblasti [State Archives of Zhambyl Region (GAZhO)]. F. 50. Op. 1. D. 640. L. 67–69, [in Russian].
- 32 Gosudarstvennyj arhiv goroda Nur-Sultan [State Archives of Nur-Sultan city (GAGN)]. F. 241. Op. 1. D. 6. L.17, [in Russian].
- 33 GAZhO. F. 778. Op. 1. D. 47. L. 4, [in Russian].
- 34 GAZhO. F. 778. Op. 1. D. 49. L. 8, [in Russian].
- 35 CDNI VKO. F. 1607. Op. 2. D. 2. L. 499, [in Russian].
- 36 GAZhO. F. 7. Op. 1. D. 87. L. 3, [in Russian].
- 37 Potapova N.V. Politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii cerkvi v 1940–1980 gg. (normativno-pravovye osnovy regulirovaniya. Iz istorii prava i gosudarstva [The policy of the Soviet state in relation to the church in 1940-1980. (Regulatory framework. From the history of law and state] *Lenigradskij yuridicheskij zhurnal* [Leningrad Law Journal], 2007. No. 4. P. 166–178, [in Russian].

- 38 Pankratov N. Na chto obratit' vnimanie v derevne [What to pay attention to in the rural region] Bezbozhnik u stanka [A Godless Man at the Machine]. 1928. No.3. P.18, [in Russian].
- 39 GAGN. F. 32. Op. 1. D. 96. L. 4–12. [in Russian].
- 40 Klimovich L. Chto takoe musul'manstvo? [What is Islam?] Bezbozhnik [A Godless Man], 1938. No. 4. P. 6–8, [in Russian].
- 41 AP RK. F. 708. Op. 1. D. 591. L. 11, [in Russian].
- 42 AP RK. F. 708. Op. 1. D. 859. L. 15, [in Russian].
- 43 Religioznye verovaniya narodov SSSR. Sbornik etnograficheskikh materialov [Religious beliefs of the peoples of the USSR. Collection of ethnographic materials]. Moscow-Leningrad: Moskovskij rabochij, 1931, 379 p. [in Russian].
- 44 Oleshchuk F. O reakcionnoj roli musul'manskogo duhovenstva [On the reactionary role of the Muslim clergy]. (Partizdat СК(б)К, Alma-Ata, 1937, 24 p.), [in Russian].

Сведения об авторах:

Аллысбаева Галия Айтбайқызы – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Казахстана, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Нур-Султан, Казахстан.

Жуман Гульмира – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, кафедра истории Казахстана, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Нур-Султан, Казахстан.

Alpysbaeva Galia Aytbaevna – Doctor of History Sciences, Professor, Department of Kazakhstan History, S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

Zhuman Gulmira – Candidate of History Sciences, Associate Professor, Department of Kazakhstan history, S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan.